

СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И УКРАИНСКИЙ КРИЗИС: ОСНОВНЫЕ РЕАКЦИИ

Научная статья

Д.В. Малышев

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-0304-8785
E-mail: dimal.68@mail.ru*

В статье дается системный анализ влияния украинского кризиса на ситуацию в регионе Центральной Азии. Последствия кризиса на Украине затронули и этот достаточно удаленный от данного государства регион. Основной акцент сделан на восприятии в странах постсоветской Центральной Азии украинского кризиса. Особое внимание здесь уделено страновому аспекту. Проанализированы позиции руководства Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана по отношению к тем процессам, которые происходят на Украине. Выделены существенные характеристики отношения стран Центральной Азии к украинскому кризису. Так, в сложном положении оказался Казахстан, очень тесно связанный с Россией двусторонними связями. А введение многочисленных санкций против РФ оказало в данной связи негативное воздействие на российско-казахстанские отношения. Уделено внимание отношениям России и Кыргызстана. В частности, отмечена позитивная эволюция этих отношений, начиная со времени правления Президента А. Атамбаева и до правления С. Жапарова. Особо выделяются отношения России с Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном. Подчеркивается важность и позитивная динамика этих связей, на которые, несмотря на политику «коллективного Запада», не удалось оказать негативно-го воздействия. В итоге сделан ключевой вывод: Россия заинтересована во взаимодействии с государствами Центральной Азии, но при этом вынуждена рассчитывать, главным образом, на собственные ресурсы и силы.

Ключевые слова: *Центральная Азия, Россия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина, украинский кризис, «коллективный Запад», субъекты международных отношений.*

Для цитирования: *Малышев Д.В. Страны Центральной Азии и украинский кризис: основные реакции // Постсоветские исследования. 2026. Т. 9. № 1. С. 36–43.*

COUNTRIES OF CENTRAL ASIA AND THE UKRAINIAN CRISIS: THE MAIN REACTIONS

Research article

D.V. Malyshev

*M.V. Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation
E-mail: dimal.68@mail.ru*

The article provides a systematic analysis of the impact of the Ukrainian crisis on the situation in the Central Asian region. The consequences of the crisis in Ukraine also affected this region, which is quite remote from this state. The main emphasis is placed on the perception of the Ukrainian crisis in the countries of post-Soviet Central Asia. And special attention is paid to the country aspect. The positions of the leadership of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan and

Turkmenistan in relation to the processes that are taking place in Ukraine are analyzed. The essential characteristics of the attitude of the countries of Central Asia to the Ukrainian crisis are highlighted. So, Kazakhstan found itself in a difficult situation, very closely connected with Russia by bilateral ties. And the introduction of numerous sanctions against the Russian Federation had a negative impact on Russian-Kazakh relations in this regard. The article pays attention to relations between Russia and Kyrgyzstan. In particular, the positive evolution of these relations was noted, starting from the reign of President A. Atambayev and until the reign of S. Japarov. Russia's relations with Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan stand out. The importance and positive dynamics of these ties are emphasized, which, despite the policy of the «collective West,» failed to have a negative impact. As a result, a key conclusion was made: Russia is interested in interacting with the states of Central Asia, but at the same time it is forced mainly to rely on its own resources and its own forces.

Key words: *Central Asia, Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan, Ukraine, the Ukrainian crisis, the «collective West,» subjects of international relations.*

For citation: *Malyshev D.V. Countries of Central Asia and the Ukrainian crisis: the main reactions // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2026. Vol. 9. № 1. P. 36–43. (In Russ.)*

Происхождение названия региона «Центральная Азия», наиболее распространенное на сегодняшний день, уходит своими корнями к работе географа Александра Гумбольдта, вышедшей в 1843 г., которая на немецком языке называлась «Средняя Азия», а на французском и в русском переводе – «Центральная Азия». В годы существования СССР пять советских республик региона имели общее наименование – «Средняя Азия». Иногда к этому понятию добавлялся и Казахстан.

После распада Советского Союза в начале 1990-х гг. руководители новых независимых государств региона договорились об изменении названия. Так начало укореняться пришедшее с Запада понятие «Центральная Азия», что принципиально не меняло ни территориальных рамок, ни содержания, но должно было повышать самооценку жителей региона [Центральная Азия на рубеже..., 2017: 6].

Основой международных отношений являются его субъекты, выступающие их главными акторами, составляющие их структуру, костяк и приводящие их в действие. От действий субъектов международных отношений во многом зависят кардинальные преобразования и события, происходящие в мире, субъекты международных отношений зачастую регулируют вопросы войны и мира. Они принимают участие практически во всех процессах, которые

имеют место в мировой политике и экономике [Цыганков, 2002: 26].

Сегодня роль Центральной Азии в международной политике все более возрастает благодаря ее важному геостратегическому положению, богатым природным, энергетическим и минерально-сырьевым ресурсам, значительному производственному и научно-техническому потенциалу. Одновременно государства Центральной Азии заинтересованы в стратегических партнерах, которые рассматривают свою политику в отношении региона как долговременную и способны оказывать реальную поддержку в решении задач региональной безопасности и устойчивого развития [Центральная Азия: геэкономика..., 2002: 6].

По мнению ряда экспертов, Центральная Азия является нестабильным регионом, несущим в себе огромную неопределенность [Гарбузова, 2020]. А последствия кризиса на Украине затронули и этот регион.

Наиболее жесткую позицию по отношению к России заняли США. Необходимо подчеркнуть, что в основе понимания Белым Домом роли Украины для России лежит подход, сформулированный известным американским исследователем, советником по национальной безопасности в администрации Президента США Д. Картера З. Бжезинским в его наиболее известной книге «Великая шахматная доска: главен-

ство Америки и ее геостратегические императивы» («The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives»): «без Украины реставрация... империи стала бы нежизнеспособным делом» [Бжезинский, 1999: 137].

Страны ЦА по-разному восприняли украинский кризис. Общим здесь явно было одно: отказ открыто поддержать политику России на Украине, будь то воссоединение с Россией Крыма в марте 2014 г. или начало СВО в феврале 2022 г. И это при том, что РФ оказывала и оказывает очень серьезную экономическую, военную, социальную, образовательную и т.д. помощь странам региона.

Но, как сказал министр иностранных дел РФ С.В. Лавров, «что мое – то мое, что твое – то поделим». Эти страны уверены, что Россия и дальше, несмотря на их реакции, будет оказывать эту безвозмездную помощь по линии СНГ, ОДКБ и ЕАЭС.

Но при определенной схожести в реакции стран ЦА на украинский кризис есть и определенные различия.

Сущность политики Запада во главе с США по отношению к Украине с самого момента ее оформления в качестве государственного образования состояла в разжигании и всемерной поддержке националистических устремлений, причем с четким определением главного врага – сначала это был Советский Союз, затем – Россия. Для этого использовались все средства – от скрытого и прямого финансирования радикалов до открытых поставок вооружений, в том числе летальных, а также подготовки вооруженных сил к ведению боевых действий [Украинский кризис, 2022].

Что касается позиции Республики Казахстан (РК) по украинскому кризису, то необходимо уделить особое внимание начальным этапам развития эскалации отношений между Россией и Украиной. В первую очередь, речь идет о событиях февраля–марта 2014 г., связанных с реинтеграцией Крыма в состав РФ.

Позиция Казахстана по этому вопросу полностью отражала ту картину мира, которую в рамках дипломатии и внешнеполитического видения страна выстраивала с момента обретения независимости в конце

1991 г., т.е. следование так называемой политике многовекторности¹.

Хотя в политических кругах Казахстана высказывались разные мнения относительно событий «Крымской весны» и правомерности действий России, официальная Астана оставалась подчеркнута нейтральной, избегая использования негативных формулировок в отношении вышеупомянутых процессов. Несмотря на то что при Н. Назарбаеве руководство Казахстана официально не признало Крым российским и продолжает придерживаться этой позиции и при К.-Ж. Токаеве, уже в 2015 г. казахстанские учебники по географии содержали информацию о территориальной принадлежности Республики Крым и г. Севастополя к Российской Федерации, что вызвало недовольство украинской стороны. Тем не менее позиция Министерства просвещения РК осталась неизменной.

В то же время глубокая взаимозависимость между РК и РФ стала для Астаны негативным фактором с момента начала Специальной военной операции (СВО) РФ на Украине². Многочисленные санкции, введенные против России, значительно усложнили товарооборот, затормозили реализацию совместных двусторонних и многосторонних проектов, ухудшили инвестиционный климат и стали оказывать негативное влияние на экономику республики в целом.

На протяжении 3 лет проведения СВО Казахстан вынужден был соблюдать нейтральную позицию в отношениях с двумя противоборствующими сторонами. Политика многовекторности и тенденция к глобализации мировой экономики не позволяли и не позволяют Казахстану определить конечные цели и приоритеты своей внешней политики, что вынуждает страну балансировать между интересами «коллективного Запада», России и Китая.

¹ Казахстан отказался считать воссоединение Крыма с Россией аннексией // Lenta.ru. 04.12.2019. URL: <https://lenta.ru/news/2019/12/04/krym> (дата обращения: 23.12.2025).

² Апулеев И. «Это не аннексия»: почему Крым не напугал Казахстан // Газета.ру. 04.12.2023. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2019/12/04_a_12847316.shtml?updated (дата обращения: 23.12.2025).

Единственным доступным инструментом влияния на мировую политику в период текущих турбулентных событий и изменений в системе международных отношений для Казахстана остается дипломатия. Приверженность Уставу ООН является лейтмотивом внешней политики страны по отношению к украинскому кризису. В то же время Казахстан, как и все страны Центральной Азии, испытывает давление со стороны Запада. Чаще всего это выражается в навязчивом стремлении европейских государств и США внедрить собственное видение происходящих на территории Украины процессов.

Позиция Кыргызстана по украинскому кризису претерпевала серьезные изменения. В феврале 2014 г. Президент А. Атамбаев стал единственным из центральноазиатских лидеров, кто поздравил Украину «со второй революцией и свержением коррумпированного режима».

Период 2014–2022 гг. (до начала СВО) фактически не повлиял на позицию Кыргызстана по украинскому кризису. Объяснить это можно географической удаленностью Бишкека от «зоны напряженности», незначительной ролью Украины в экономической и тем более в других сферах жизни Кыргызстана, тесным взаимодействием с Россией и Китаем. Особо стоит отметить вступление Кыргызстана в ЕАЭС в 2015 г., что позволило республике увеличить объемы торговли с государствами-участниками, а также частично решить вопрос с рабочей силой, которая, в силу ряда объективных обстоятельств, не могла быть трудоустроена на родине.

С началом СВО Кыргызстан продолжил придерживаться нейтральной позиции в международном публичном пространстве. В то же время усиление санкционной политики в отношении РФ привело к снижению уровня жизни в стране, росту цен на продукты питания, горюче-смазочные материалы и т.д. Также снизился объем и реальная стоимость переводов от работающих в России граждан Кыргызстана (по разным оценкам, их число на момент начала СВО колебалось от 700–800 тыс. до 1,5 млн человек), что не могло не сказаться как на экономике страны в целом, так и на

жизни многих семей. Кроме того, часть мигрантов после начала СВО в феврале 2022 г. и объявления частичной мобилизации в сентябре того же года предпочла вернуться на родину¹.

Не следует также забывать и о том, что внутренняя ситуация в Кыргызстане далека от гармоничной и стабильной, что подтверждается, в частности, событиями 2005 и 2010 гг., когда в результате массовых протестов и столкновений был свергнут сначала первый Президент страны А. Акаев, а потом и второй – К. Бакиев. Поэтому, как представляется, при определенном стечении обстоятельств повторение «украинского сценария» в Кыргызстане с целью дестабилизации страны, Центральной Азии и постсоветского пространства в целом вполне реально.

Схожую позицию можно проследить и на примере Республики Таджикистан (РТ). С начала СВО и по сегодняшний день страна придерживается максимально нейтральной позиции по украинскому вопросу. По словам директора Центра стратегических исследований при Президенте РТ Х. Усмонзода, «мы пытаемся укрепить отношения со странами региона в этой ситуации. Сегодня страны региона сблизили свои экономические отношения. Укрепление экономических отношений между странами Центральной Азии позволило снизить негативное влияние событий в России и Украине на экономическую жизнь Таджикистана»².

Нельзя не согласиться с вышесказанным в плане того, что для Таджикистана события последнего десятилетия в меньшей степени являются проблемой ввиду осо-

¹ Годовой доклад за 2023 г. «Об итогах и перспективах социально-экономического развития государств – членов Евразийского экономического союза и мерах, предпринятых государствами-членами в области макроэкономической политики» // Евразийская экономическая комиссия. 2024. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ff5/0130q0rsakw0fgm49ktkca65ldh47iti/Annual_report_2023.pdf (дата обращения: 27.12.2025).

² ЦСИ: Таджикистан занимает нейтральную позицию в «конflikте» между Россией и Украиной // Asia-Plus. 04.08.2023. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/20230804/tssi-tadzhikistan-zani-maet-neitralnuyu-pozitsiyu-v-konflikte-mezhdu-rossiei-i-ukrainoi> (дата обращения: 05.01.2026).

бенностей и сложностей государственного строительства, с которыми столкнулась страна. В то же время украинский кризис способствовал возникновению достаточно большого спектра проблем в отношениях между РФ и РТ. К ним можно отнести, в первую очередь, проблему трудовой миграции. Согласно российскому законодательству, трудовые мигранты в случае подачи документов на получение гражданства обязаны нести воинскую службу в регулярной армии, а многие из них, проживающие на территории России и имеющие двойное гражданство, таким образом, попадают под уголовную статью о наемничестве на исторической родине.

Ашхабад, придерживающийся концепции «позитивного нейтралитета», воздерживается от каких бы то ни было односторонних заявлений в отношении сторон и участников украинского кризиса. В то же время, несмотря на наличие тесных экономических связей с Россией и Китаем, Туркменистан вплоть до начала СВО поддерживал контакты с Украиной в сфере торговли и совместных энергетических и логистических проектов [25]. В частности, Киев был заинтересован в диверсификации энергопоставок за счет туркменского газа и тем самым частичного нивелирования энергезависимости от РФ, а также в выстраивании ряда маршрутов, в которых предполагалось задействовать, в частности, инфраструктуру Каспийского и Черного морей. В рамках ООН Туркменистан придерживался той же позиции, что и другие страны Центральной Азии, воздерживаясь от голосования по Крыму и другим аспектам украинского кризиса.

В период 2014–2022 гг. Туркменистан пытался балансировать на грани фактического добровольного отказа от участия в международно-политических процессах, сохраняя при этом заинтересованность в участии в различных экономических и логистических проектах. Так, можно сказать, что Ашхабад стал реальным или потенциальным конкурентом России в энергетической сфере (в частности, на китайском направлении).

Кроме того, Туркменистан намеревался стать участником ряда не реализованных

впоследствии проектов газопроводов (Набукко, ТАПИ, Транскаспийский).

При этом уровень экономического взаимодействия с Москвой – по меркам и объемам экономики Туркменистана – оставался достаточно высоким [Качелин, 2022: 119–130].

Позиция Ашхабада по Украинскому кризису во многом определялась теми же факторами, что и у других государств Центральной Азии: географическая удаленность, отсутствие широкого спектра контактов в различных сферах и т.д.

Также следует выделить специфические факторы, в частности, наличие внешней угрозы со стороны Афганистана, где за несколько лет до возвращения к власти в 2021 г. талибов активно действовал ИГИЛ¹, совершавший нападения на территорию Туркменистана. По некоторым данным, Ашхабад даже вынужден был неофициально обращаться за помощью к России для обеспечения безопасности в приграничных с Афганистаном районах².

После начала СВО объем взаимодействия России и Туркменистана не подвергся заметным изменениям, хотя по некоторым направлениям (например, в гуманитарной сфере) наблюдается заметный рост³.

В то же время Ашхабад последовательно ищет возможности для диверсификации своей внешнеэкономической деятельности (в первую очередь, в сфере энергетики), однако сталкивается при этом с объективными препятствиями.

Позиция Узбекистана в отношении событий Украинского кризиса была схожа с позициями других центральноазиатских государств. Это касается как отсутствия отличной от них публичной реакции, так и голосования в рамках Генеральной Ассамблеи ООН.

¹ ИГИЛ – организация, признанная террористической и экстремистской, запрещена в России.

² Туркменистан может рассчитывать на помощь РФ в защите своей границы с Афганистаном в свете угроз со стороны ИГ – МИД РФ // Интерфакс. 03.01.2016. URL: <https://www.militarynews.ru/Story.asp?rid=1&nid=399661&lang=RU> (дата обращения: 07.01.2026).

³ Центральная Азия и украинский кризис // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2022. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/43693> (дата обращения: 07.01.2026).

самблеи ООН¹. В то же время, как отмечает Э. Джураев, «Президент Ислам Каримов и узбекистанское Министерство иностранных дел на разных форумах несколько раз повторяли, что Узбекистан однозначно придерживается принципа территориальной целостности государств – явное неодобрение отделения Крыма и его присоединения к России, хотя это неодобрение никогда не было заявлено публично» [Джураев, 2015: 1–12].

Тем не менее украинский кризис не повлиял на характер взаимоотношений России и Узбекистана (хотя существует мнение, что отсутствие Ташкента в составе ЕАЭС и отказ от возвращения в ОДКБ даже на фоне усилившейся угрозы от Афганистана – прямое следствие нежелания Узбекистана попасть под большее влияние Москвы и, возможно, повторить «украинский сценарий»²). И при И. Каримове, и при действующем Президенте Ш. Мирзиёеве взаимодействие Москвы и Ташкента можно рассматривать как последовательное, поступательное и достаточно успешное.

Позиция Узбекистана в отношении украинского кризиса в основном обусловлена теми же факторами, что и у других стран «пятерки», – географией и экономикой. ЦА находится на большом удалении от конфликта в Донбассе, а после февраля 2022 г. – от СВО. Соответственно, прямой угрозы вовлечения стран региона в конфликт нет. Экономически Узбекистан в гораздо большей степени связан с Россией, нежели с Украиной.

Развитие отношений Москвы и Ташкента в 2014–2022 гг. во многом сходно с

кыргызстанским сценарием, но в то же время имеет ряд существенных отличий, связанных с тем, что Узбекистан не является участником ЕАЭС и ОДКБ. Это привносит свою специфику во взаимодействие двух стран по линии экономики, трудовой миграции (мигранты из Узбекистана не получают преференций, в отличие от партнеров России по Евразийскому экономическому союзу) и безопасности. Основной акцент делается на двусторонние соглашения и многосторонние проекты [Кудряшова, 2023: 178–188].

После начала СВО социально-экономическая ситуация в Узбекистане также подверглась негативному воздействию ввиду роста цен, снижения уровня жизни, сокращения перечислений от трудовых мигрантов и их частичного оттока из России. Отчасти (как и в случае с Казахстаном и Туркменистаном) эти проблемы нивелируются за счет продажи за рубеж энергоресурсов, а также – как и в случае фактически со всеми государствами ЦА – за счет участия в параллельном импорте. Однако сложившаяся ситуация стимулировала приток в страну российских инвестиций и открытие совместных предприятий, переезжающих из России, чтобы не попасть под санкции. Также произошло наращивание поставок товаров из Узбекистана в РФ.

Таким образом, страны ЦА в целом отнеслись нейтрально к событиям на Украине, но, с другой стороны, их опыт показывает, что России стоит опираться только на собственные силы, у нее по-прежнему остаются только два надежных союзника – ее армия и ее флот!

ЛИТЕРАТУРА

Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Междунар. отношения, 1999.

Гарбузарова Е.Г. Центральная Азия в современных мирополитических процессах. М., 2020.

Джураев Э. Среднеазиатские позиции по украинскому кризису: балансирование на тонкой грани? // *Connections: The Quarterly Journal*. 2015. Vol. 14. № 4. P. 1–12.

¹ Узбекистан проголосовал против Резолюции ООН по Крыму // *Podrobno.uz*. 15.11.2015. URL: <https://podrobno.uz/cat/politic/uzbekistan-progolosoval-protiv-rezolyutsii-oon-po-krymu> (дата обращения: 09.01.2026).

² *Судаков М.* «Узбекский Донбасс?» Поправки в Конституцию вызвали массовые протесты в Каракалпакии // Национальная служба новостей. 01.07.2022. URL: <https://nsn.fm/in-the-world/uzbekskii-donbass-chto-stoit-za-besporjadkami-v-nukuse> (дата обращения: 10.01.2026).

Качелин А.С. Стратегическое партнерство Российской Федерации и Туркменистана в условиях глобальной нестабильности // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 5. С. 119–130.

Камынин В.Д., Лазарева Е.В., Лапенко М.В., Лямзин А.В. Центральная Азия на рубеже XX–XXI веков: политика, экономика, безопасность: учеб. пособие / науч. ред. В.И. Михайленко; Министерство образования и науки Рос. Федерации; Уральский федеральный университет. Екатеринбург: Изд-во Урал. федер. ун-та, 2017. 175 с.

Кудряшова Д.А., Рожкова З.П., Майорова М.А. Российско-узбекские отношения: состояние и перспективы // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 2 (59). С. 178–188.

Украинский кризис в условиях трансформации современного миропорядка: тенденции развития, угрозы и вызовы для России / под общ. ред. В.Н. Баранова, П.А. Дульнева, И.В. Бочарникова; Академия военных наук; Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности. 2-е изд., испр. М., 2022. 210 с.

Центральная Азия: геоэкономика, геополитика, безопасность / редкол.: Р.М. Алимод, Р. Арифханов и др. Т.: Шарк, 2002. 208 с.

Цыганков П.А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2002.

REFERENCES

Bzhezinskiy Z. Velikaya shakhmatnaya doska. Gospodstvo Ameriki i yego geostrategicheskiye imperativy. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1999. (In Russ.). [*Brzezinski Z.* Great chessboard. American dominance and its geostrategic imperatives. M.: International relations, 1999.]

Dzhurayev E. Sredneaziatskiye pozitsii po ukrainskomu krizisu: balansirovaniye na tonkoy grani? // Connections: The Quarterly Journal. 2015. Vol. 14. № 4. P. 1–12. (In Russ.). [*Juraev E.* Central Asian positions in Ukrainian crisis: balancing on a fine line? // Connections: The Quarterly Journal. 2015. Vol. 14. № 4. P. 1–12.]

Garbuzarova Ye.G. Tsentral'naya Aziya v sovremennykh miropoliticheskikh protsessakh. M., 2020. (In Russ.). [*Garbuzarova E.G.* Central Asia in modern world-political processes. M., 2020.]

Kachelin A.S. Strategicheskoye partnerstvo Rossiyskoy Federatsii i Turkmenistana v usloviyakh global'noy nestabil'nosti // Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk. 2022. № 5. S. 119–130. (In Russ.). [*Kachelin A.S.* Strategic partnership between the Russian Federation and Turkmenistan in the context of global instability // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2022. № 5. S. 119–130.]

Kamynin V.D., Lazareva Ye.V., Lapenko M.V., Lyamzin A.V. Tsentral'naya Aziya na rubezhe XX–XXI vekov: politika, ekonomika, bezopasnost': ucheb. posobiye / nauch. red. V.I. Mikhaylenko; Ministerstvo obrazovaniya i nauki Ros. Federatsii, Ural'skii federal'nii universitet. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. feder. universiteta, 2017. 175 s. (In Russ.). [*Kamynin V.D., Lazareva E.V., Lapenko M.V., Lyamzin A.V.* Central Asia at the turn of the XX–XXI centuries: politics, economics, security: study. Manual / scientific. ed. V.I. Mihailenko; Ministry of Education and Science Ros. Federations, Ural. feder. univ. Yekaterinburg: Publishing House of Ural. feder university, 2017. 175 p.]

Kudryashova D.A., Rozhkova Z.P., Mayorova M.A. Rossiysko-uzbekskiye otnosheniya: sostoyaniye i perspektivy // Rossiya i novyye gosudarstva Yevrazii. 2023. № 2 (59). S. 178–188. (In Russ.). [*Kudryashova D.A., Rozhkova Z.P., Mayorova M.A.* Russian-Uzbek relations: state and prospects // Russia and the new states of Eurasia. 2023. № 2 (59). S. 178–188.]

Центральная Азия: геоэкономика, геополитика, безопасность / редкол.: Р.М. Алимод, Р. Арифханов и др. Т.: Шарк, 2002. 208 с. (In Russ.). [Central Asia: geoeconomics, geopolitics, security / redcall.: R.M. Alimod, R. Arifkhanov et al. T.: Shark, 2002. 208 p.]

Tsygankov P.A. Teoriya mezhdunarodnykh otnosheniy. M.: Gardariki, 2002. (In Russ.). [*Tsygankov P.A.* Theory of international relations. M.: Gardariki, 2002.]

Украинский кризис в условиях трансформации современного миропорядка: тенденции развития, угрозы и вызовы для России / под общ. ред. В.Н. Баранова, П.А. Дульнева, И.В. Бочарникова; Академия военных наук, Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности. 2-е изд., испр. М., 2022. 210 с. (In Russ.). [The Ukrainian crisis in the context of the transformation of the modern world order: development trends, threats and challenges for Russia/Academy of Military Sciences, Research Center for National Security Problems / under the general. ed. V.N. Baranova, P.A. Dulneva, I.V. Bocharnikova. 2nd ed., isp. M., 2022. 210 s.]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Малышев Дмитрий Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры внешней политики России и стран СНГ факультета мировой политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация).

E-mail: dimal.68@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry V. Malyshev, candidate of historical sciences, associate professor of the Department of Foreign Policy of Russia and the CIS Countries of the Faculty of World Policy of M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: dimal.68@mail.ru